

УДК 395(470.621)

ББК 87.717.7

X – 16

Хакуринова Рузанна Пишимафовна, аспирант кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, т.:89618278808

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТИКЕТА АДЫГОВ

(рецензирована)

Этикет возникает в ответ на потребность общества упорядочить элементы внешней стороны поведения, найти социальную норму для форм поведения, образа действия, манер и стилистических особенностей поведенческих актов. Каждое человеческое сообщество вырабатывает свою, практически общую для этого общества точку зрения на внешнюю сторону поведения его представителей. Она выражается в определенных нормах и правилах различной императивной силы.

Ключевые слова: *этнос, нация, национальный этикет, адыгагъэ, традиционная культура.*

Khakurinova Ruzanna Pshimafovna, post graduate student of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of Maikop State Technological University, tel.: 8961 8278808

SOCIAL PROSPECTS OF THE NATIONAL ETIQUETTE OF THE ADYGHHS

(reviewed)

Etiquette occurs in response to the needs of the society to streamline the outside elements of behavior, to find a social norm for behavior, mode of action, style and stylistic features of behavioral acts. Every human community develops its own, almost common to the society point of view on the exterior conduct of its representatives. It is expressed in certain rules and regulations of various mandatory force.

Keywords: *ethnicity, nation, national etiquette, the adygh code, traditional culture.*

Необходимость более пристального внимания к морально-нравственному кодексу адыгагъэ обусловлена тем, что он служит источником, своеобразной субстанциональной основой для разворачивания во внешнем плане латентного внутреннего автоматического психического действия. Воспроизведение имеющихся у человека знаний, навыков, различных форм поведения и эмоционального состояния, а также отдельных психических процессов (представлений, мыслей, движений, чувств и т.д.) основано на возбуждении ранее образованных связей (привычек, ассоциаций). Раздражителями могут выступать как предметы, так и слова (речь). Таким образом, переведенный во внутренний план, адыгагъэ является основой не только поступков (социального действия), но и чувств (шире - национальной психологии)[4].

Социально - психологическая трактовка интересующего нас феномена во многом объясняет высокую степень эмоциональной напряженности межнациональных (этнических) конфликтов, в которых возникает угроза этнической идентичности, базой которой и служат горские морально - этические кодексы. Значимость адыгагъэ в традиционной и современной культуре адыгов столь велика, что оно привлекает внимание многих ученых Северного Кавказа. Его анализу было посвящено специальное совместное социологическое исследование. В силу важности и даже

определенной уникальности, некоторые итоги исследования и комментарии к ним целесообразно изложить в данной работе.

Социологические исследования проводились в Причерноморской Шапсугии, Республики Адыгея, Кабардино - Балкарской республике, также в местах проживания многочисленной адыгской диаспоры в Турции, Сирии, США. Выборочная совокупность в 2500 респондентов обеспечила достоверные результаты с отклонением $\pm 5\%$.

Респондентам было предложено оценить состояние адыгагъэ на современном этапе. Лишь 9% опрошенных определили состояние адыгагъэ как хорошее, 43%-как удовлетворительное, 48% - как неудовлетворительное. По регионам показатель выглядит следующим образом: в Шапсугии состояние адыгагъэ оценивают как удовлетворительное -59%, неудовлетворительное - 33 %. В Адыгее - 48% - удовлетворительно, 43% - неудовлетворительно. В Черкессии - 32% удовлетворительно, 58 %- неудовлетворительно. В Кабарде - 37 % удовлетворительно, 51 % неудовлетворительно. Положительное состояние адыгагъэ «присутствует» только в Шапсугии и Адыгее. В своем поведении стараются следовать принципам и нормам адыгагъэ - 55% опрошенных; следуют, но не всегда - 21%; 20% - следуют постоянно и 3%- практически не руководствуются в своих поступках нормами адыгагъэ.

По мнению 27% респондентов, конкретное проявление адыгагъэ чаще всего проявляется в повседневных отношениях с людьми, у 16% - это проявление в отношениях с детьми, стариками, а у 30% - в проявлении человечности (цIыфыгъэ) ко всем людям без исключения[5].

Таким образом, выяснились количественные характеристики двух противоположных тенденций. Первая из них характеризует сохранение адыгагъэ вопреки всем обстоятельствам жизни адыгов. Вторая вызывает понятное беспокойство и связана с некоторым понятием роли адыгагъэ в современной жизни адыгского этноса.

Наличие данных тенденций в современной адыгской культуре является частным моментом общекультурного процесса, в рамках которого непрерывно происходит процесс модернизации культурных норм.

Исследование подтвердило, что базовые ценности адыгства в своей интенции не претендуют на исключительность, а направлены на аккумуляцию традиционных норм и ценностей и их соединение с общечеловеческими. Можно прогнозировать их относительное сохранение и толерантность по отношению к инновациям.

Социологическое исследование показало, что правильнее квалифицировать динамику адыгагъэ как процесс развития и адаптации традиции к современности, а не как процесс отрицания (отмирания) традиционно - нормативной регулирующей системы. Лишь около 3% респондентов отметили, что не руководствуются в мышлении и поведении принципами и нормами адыгагъэ. Более 97% респондентов в той или иной степени следуют морально - нравственной и этической традиции.

Вопрос о процессе отмирания и сохранения традиционных регуляторов поведения и мышления до сих пор остается одним из самых неясных в отечественной и зарубежной литературе.

Аномию (нейтральное или негативное отношение к традиционным обязывающим нормам) объясняют как следствие переходного процесса от традиционного к современному (промышленному) обществу[1]. Однако практика показала, что во многих промышленных обществах традиционно обязывающие нормы сохраняются, а если и видоизменяются, то незначительно. Особенно ярко это видно на примере Японии, других странах Юго-Восточной Азии, Кавказа. Сохранение культурных традиций в этнических диаспорах в рамках инокультурной среды (например, адыгская диаспора более чем в 45 странах) также подтверждает этот тезис.

С другой стороны, переход от традиционного к современному обществу является, очевидно, главной предпосылкой деактуализации в массовом сознании традиционных норм и ценностей. Новые условия жизни и новые требования, предъявляемые ею, предполагают новые, или значительно трансформированные морально - нравственные или этические ценности.

Социологические исследования культурно - этнического феномена адыгагъэ позволило уточнить ряд качественных сторон проблемы и выявить ее некоторые количественные характеристики. Оно подтвердило гипотезу о том, что адыгская традиционная мораль и нравственность в более полном виде представлены в сельской местности, нежели в городе. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, более жестоким характером социального контроля на селе, и во-вторых, более глубоким и естественным характером усвоения норм адыгагъэ, переводом их во внутренний, психологический план.

Социальный контроль на селе проявляется в форме общественного мнения, которое для адыгов по существу имеет силу закона, но в городе его влияние значительно слабее. Известно, «худое слово», «худая молва» является для адыга поводом для сильных нравственных переживаний и самокритики. Собственно общественное мнение может быть эффективным и в условиях городской среды, если для этого используются средства массовой информации и общественные институты. Однако было бы заблуждением идеализировать ситуацию на селе. Влияние всевозможных инокультурных форм здесь чрезвычайно велико. Отсутствие механизмов, сдерживающих влияние низкопробных образцов массовой культуры, расшатывает систему норм адыгагъэ. Кто же в состоянии изменить создавшееся положение?

Важнейшая роль в формировании культурной политики принадлежит интеллигенции. Именно она способна осмыслить феномен адыгагъэ во всей его полноте и многозначности. Другой социальной группой, с которой связаны перспективы адыгагъэ, являются старейшины. Более 50% респондентов считают, что именно среди старейшин больше всего носителей адыгагъэ[5].

Однако, в повседневной жизни роль старейшин недостаточно эффективна, традиционный институт старейшин хотя формально и существует, но мало заметен в общественной жизни. Вместе с тем, институт старейшин имеет предпосылки для того, чтобы стать значительным элементом гражданского общества и, возможно, трансформироваться в элемент политической системы адыгских республик. Что касается такой социальной группы как молодежь, исследование показало, что в ее среде наметились тенденции аномии этикетного поведения. Лишь около 2% респондентов

считают, что молодежь является носителем адыгагъэ в большей степени, чем другие социальные группы. Такое явление можно объяснить тем, что молодежь в силу своего возрастного ценза менее социализирована, но по мере социализации приобщенность к адыгагъэ (адыгству) будет возрастать, о чем свидетельствуют данные опроса. Так, более половины респондентов в возрасте от 20 до 25 лет считают, что они являются приверженцами многих норм и правил адыгагъэ.

В условиях, когда образовательные институты не вполне готовы к пропаганде адыгагъэ, значительно возрастает роль семьи. Внушает надежду то, что более 65% респондентов познакомились с требованиями адыгагъэ в семье. Можно сделать вывод о том, что родители считают адыгагъэ важным средством воспитания и условием социализации своих детей. Полученная количественная характеристика места адыгагъэ в семейных отношениях является наиболее объективным критерием актуальности адыгагъэ в современной жизни адыгов.

Как предпосылку сохранения и развития морали, нравственности этикета, сфокусированной в феномене адыгагъэ, можно оценить уверенность более чем половины респондентов (53%) в том, что в будущем возможно «возрождение» адыгагъэ в полном объеме. Данный ответ можно интерпретировать также как определенные ожидания и, может быть, как социальные притязания. Однако довольно значительная часть респондентов (34%) считают, что в настоящее время возрождение адыгагъэ в полном объеме невозможно. Пессимизм респондентов так или иначе связан, очевидно с негативными сторонами переходного состояния общества. Следовать кодексу чести адыгов во всей его полноте в современных экономических и социальных условиях для определенной части жителей Кавказа не представляется возможным. Однако становление нового общества может успешно сочетаться с возрождением адыгагъэ, усилением его роли в обществе. Традиционная адыгская морально - нравственная щепетильность, толерантность, высокие требования, предъявляемые к личности, могут способствовать нравственному оздоровлению общества.

Актуальность адыгагъэ в современной жизни подчеркивается тем, что почти треть респондентов считает, что адыгство больше всего интегрирует адыгов как народ. Консолидирующая роль адыгагъэ, с точки зрения абсолютного большинства респондентов, не уступает в этом отношении роли единого языка и общего происхождения.

Таким образом, жизнь этнической группы адыгов во многом регулируется и поддерживается институтом адыгагъэ. При его помощи люди пытаются достигать жизненных целей, решать житейские проблемы, общаться с другими людьми.

С точки зрения респондентов целесообразно введение в учебные программы школ и вузов (23%) в качестве учебной дисциплины адыгской этики и, более широкого, - всеобъемлющее воспитание подрастающего поколения в духе адыгства (27%).

В современных российских условиях традиционная мораль не «отмерла», а, напротив, выступает в самых разнообразных функционально определенных качествах: как средство этнической идентификации, позволяющее структурировать культурный универсум с точки зрения его этической определенности и т.д. Можно выделить и другие функции адыгагъэ:

- интегративную. Она обеспечивает объединение людей в этнически определенную общность на базе единого, типичного для представителей этноса понимания морально-нравственных требований и вытекающих из них норм;

-коммуникативную. Она делает возможной взаимодействие (коммуникацию) различных групп и индивидов между собой и социальными институтами, т.к. ориентирует их на однотипные морально-нравственные ценности, установки, цели;

-идентификационную. Она служит для человека основанием понимания своей групповой принадлежности и определения приемлемых для него способов участия в выражении и отстаивании интересов общности;

-идеологическую. Она позволяет вырабатывать морально определенную систему взглядов и идей;

-аксиологическую. Она характеризует традиционную мораль как инструмент и критерий отношения социального факта к ценности;

-воспитательную (социализирующую). Она призвана придавать активности людей моральную, социально санкционированную форму;

-мировоззренческую. Она характеризует традиционную мораль с точки зрения ее способности влиять (а иногда и определять) этнически окрашенные картины мира[4].

Культуры разных народов имеют свои особенности и они равноценны именно своей непохожестью друг на друга. В этом заключается не только сложность культуры каждого народа, но и ее феноменальность. Культура есть память и традиция, но так же новаторство и творческая деятельность. Культура не может сегодня существовать вне национальной формы самовыражения. Национальные ценности в духовной сфере - огромное интеллектуальное богатство, которое нужно беречь и преумножать. «Каждая нация, - пишет известный российский специалист по истории философии Ф.Х. Кессиди, - отличается только ей одной присущим сочетанием и соотношением темперамента, типом мышления и мировосприятия. В уникальности внутреннего мира нации, в устойчивости ее психического склада определенным образом организующего получаемую информацию, и состоит ценность любой нации как биосоциального сообщества людей и культурного феномена»[2]. Вот поэтому, все к чему призывает «адыгэ хабзэ» и чему он непрекословно следует - это не только защита своей независимости, чести, но и признание этой свободы за другими, уважение достоинства других людей. Поэтому преемственность адыгской культуры обеспечивается стойкостью и возрастающей регулятивной функцией этикета адыгов, который в процессе многовекового формирования «обретает сущность и функции в философии бытия, коей будет пронизана вся деятельность адыгов, ибо на этикетке основывался не только быт адыгских народов, но и прежде всего их дух, а потом и бытие»[3].

Исследование показало, что большинство респондентов осознает большую значимость адыгагэ для этноса и чутко улавливает малейшие симптомы нарушения его нравственного здоровья, так как многие современные адыги в той или иной степени являются носителями адыгагэ.

Необходим поиск путей для оптимизации традиционных морально-нравственных и этнических предписаний и соединяя их с потребностями общества настоящего периода. Изменение качественных параметров культуры связано не только с возрождением актуальных морально-нравственных предписаний, но и с переносом акцентов с нормативного на творческое, инновационное ее содержание.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
2. Кессиди Ф.Х. К проблеме «греческого чуда» // Философская и социологическая мысль. 1992. № 3. С. 127-136.
3. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996.
4. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально - философский анализ). Майкоп: Зихи, 1997.
5. Ханаху Р. А. Феномен адыгагъэ // Хабзэ. 1997. № 12.

References:

1. *Durkheim E. On the division of labor. The method of sociology. M., 1991.*
2. *Cessidy F.H. The problem of the "Greek miracle" // The philosophical and sociological thought. 1992. № 3. P. 127-136.*
3. *Tkhagazitov J.M. The evolution of the artistic consciousness of the Circassians. Nalchik, 1996.*
4. *Khanakhu R.A. The traditional culture of the North Caucasus: challenges of the time (social - philosophical analysis). Maikop: Zihi, 1997.*
5. *Khanakhu R.A. The phenomenon of the 'adygh code' // Khabze. 1997. № 12.*